
Nikita ZEVS
ХРОНИКИ
НЕЗРИМОЙ
БИТВЫ

Nikita Zevs

Хроники Незримой битвы

«Автор»
2025

Zevs N.

Хроники Незримой битвы / N. Zevs — «Автор», 2025

Когда армии Света и Тьмы сходятся в решающей схватке, полем битвы становится человеческое сердце. «Хроники Незримой битвы» — это сборник из восьми захватывающих историй, где ангелы сходят с небес, чтобы встать плечом к плечу со смертными, а древнее зло плетет сети искушений. Вас ждут забытые пророчества, священные реликвии и герои, которым предстоит сделать выбор, способный изменить их судьбу раз и навсегда. Готовы ли вы вступить в битву?

© Zevs N., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Кузнец и осколок тьмы 5
Хранитель Забытого Имени 7
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Nikita Zevs
Хроники Незримой битвы

Кузнец и осколок тьмы

Элиас был лучшим кузнецом в долине. Его лемеха для плугов не тупились о камни, а мечи, что он ковал для стражи барона, пели на ветру. Но душа его была пуста, как холодный горн на рассвете. Он потерял жену и сына в год красной хвори, и с тех пор жар в его сердце угас, оставив лишь привычное умение в мозолистых руках.

Однажды ночью, когда буря ломала деревья, в его двор с небес рухнул камень. Он был черен, как беззвездная полночь, и холоден на ощупь, но внутри него будто бился невидимый пульс. Элиас, заинтригованный, расколол его. Внутри, среди обычной породы, лежал слиток металла, который поглощал свет факела. Он не был похож ни на железо, ни на серебро. Он был похож на застывшую тьму.

Когда Элиас положил его в горн, пламя взревело, окрасившись в фиолетовые тона. Металл поддавался молоту с пугающей легкостью. Из него кузнец выковал кинжал – идеальный, без единого изъяна, с лезвием, которое, казалось, разрезало сам воздух.

В тот вечер в кузницу зашел староста с жалобой на сломанный плуг. Обычно Элиас брал за работу скромную плату, но, взглянув на идеальный клинок в своих руках, он почувствовал укол гордости. «Десять серебряных монет», – сказал он, и цена эта была втрое выше обычной. Староста поспорил, но Элиас был непреклонен. В его голосе появились жесткие нотки, которых раньше никто не слышал.

Он начал ковать из черного металла все чаще. Оружие, что выходило из-под его молота, было несравненным. Слава о нем разнеслась по всему королевству. Рыцари и наемники платили золотом за его клинки. Кузница Элиаса превратилась в богатый дом, а сам он из простого ремесленника стал важной персоной. Но чем больше он работал с осколком тьмы, тем холоднее становилось его сердце. Он перестал ходить в деревенскую церковь, смеялся над нищими и видел в каждом клиенте лишь кошелек.

Ему начали сниться сны. Во сне он стоял на вершине горы из золота и оружия, а у подножия простирался весь мир. И тихий, вкрадчивый шепот говорил ему, что все это может стать его, стоит лишь пожелать. Шепот обещал ему силу, способную заставить барона и даже короля преклонить колени.

Элиас не замечал, что за его спиной всегда стоит некто, сотканный из света. Его ангел-хранитель, Кассиэль, с болью смотрел, как тьма оплетает душу его подопечного. Ангел не мог вмешаться напрямую – таков был закон. Но он мог направлять.

Однажды в кузницу вошла нищая женщина с маленьким мальчиком. Ребенок был болен, его дыхание было слабым. Женщина протянула Элиасу единственное, что у нее было – старый деревянный крестик, который вырезал ее муж. «Прошу, мастер, – прошептала она, – мне нечем платить. Но не могли бы вы выковать для сына маленький железный оберег? Говорят, железо отгоняет злых духов, что вызывают хворь».

Старый Элиас, тот, что был раньше, без раздумий бы помог. Но нынешний лишь скривился. «Я не работаю за щепки, женщина. Убирайся».

В этот момент Кассиэль решился на отчаянный шаг. Он на мгновение коснулся памяти кузнеца, воскресив в ней образ его собственного сына, такого же бледного и слабого в последние дни своей жизни.

Элиас замер. Образ был таким ярким, что казалось, будто это всё происходит наяву. Он посмотрел на мальчика, потом на крестик в руке его матери, а затем на роскошный меч с руко-

ятью из черного металла, который он заканчивал для заезжего герцога. В блеске отполированной стали он увидел свое отражение: человека с жесткими, злыми глазами и плотно сжатым ртом. Это был не он.

Шепот в его голове стал громче, убеждая прогнать нищенку, твердя о его величии. Но впервые за долгое время Элиас услышал и другой голос – тихий, забытый голос своей совести.

Он медленно взял деревянный крестик. Он был теплым от рук женщины. Кузнец посмотрел на мальчика, и что-то внутри него дрогнуло. Он молча прошел к горну, но не тронул черный металл. Вместо этого он взял кусок обычного железа. Он работал всю ночь, и пока он ковал, он молился – впервые за много лет. Он просил прощения не за свою гордыню, а за то, что забыл, каково это – сострадать.

Под утро он вынес женщине не оберег, а искусно сделанную железную розу. «Пусть она напоминает вашему сыну, что даже в холодном металле может жить красота и надежда», – сказал он хрипло. Денег он не взял.

Когда женщина с благодарностью ушла, Элиас подошел к наковальне, на которой лежал осколок тьмы. Теперь он чувствовал исходящий от него холод, липкий и злой. Шепот в голове превратился в яростный крик, обещая ему муки и забвение.

Но Элиас больше не боялся. Он взял самый большой молот. Собрав все свои силы, всю свою волю, он опустил его на осколок. Раздался оглушительный звон, будто лопнула струна мироздания. Осколок не разбился, но от удара по нему пошли трещины, из которых вырвался черный дым с запахом серы. Металл снова стал обычным, тусклым камнем.

Элиас упал на колени, тяжело дыша. Он был снова просто кузнецом в маленькой деревне. Богатство, скорее всего, скоро уйдет, слава померкнет. Но впервые за долгие годы он почувствовал не пустоту, а тепло в груди. Он поднял глаза к потолку кузницы и, сам не зная почему, прошептал: «Спасибо».

А в углу, невидимый и светлый, стоял Кассиэль. И на его лице сияла улыбка. Битва за одну душу была выиграна.

Хранитель Забытого Имени

Брат Фома не был рожден для веры. Он был рожден для вопросов. Пока другие послушники монастыря Святого Иеронима вслушивались в тишину и находили в ней Бога, Фома слышал лишь гул ветра в бойницах. Пока они видели в Писании откровение, он видел противоречия и притчи, которые, как ему казалось, можно было толковать дюжиной разных способов. Его вера была не скалой, а стопкой книг, которую мог обрушить любой сильный порыв сомнения.

Их обитель, высеченная в сером камне горы, хранила не только книги, но и тайны. Главной из них был Свиток Завета, запечатанный семью печатями из воска и молитвы. Легенда гласила, что на нем было начертано одно из сокровенных Имен Бога – не то, что произносят всуе, а то, что было сказано в самом Начале, когда свет отделился от тьмы. Это Имя было последним оружием света в мире.

Беда пришла с запада. Город-порт Аэридор, жемчужина побережья, был осажден. Но осаждали его не люди. С болот и темных лесов пришла орда тварей, которых называли «Шепчущими». Они не рушили стены таранами, а разъедали души отчаянием. Их воины были тенями с горящими глазами, а их полководцы – воплощенными страхами. Армия Аэридора теряла не кровь, а волю к борьбе.

Когда изможденный гонец принес эту весть в монастырь, настоятель, отец Симеон, молился всю ночь. На рассвете он позвал к себе Фому.

«Ты отправишься в Аэридор, – сказал старик, его глаза, казалось, видели не юношу, а его мятущуюся душу. – Ты доставишь им Свиток».

Фома оцепенел. «Я? Но почему я, отче? Брат Павел сильнее, брат Лукас – благочестивее… Я… я недостоин».

«Сила Павла в его руках, а вера Лукаса – в его сердце, и она незыблема, – мягко ответил Симеон. – Но вера, не знавшая сомнений, хрупка, как стекло. Твоя же вера, сын мой, выкована в огне вопросов. Она – сталь. Ты понесешь не оружие, а Слово. А для этого нужен не тот, кто верит слепо, а тот, кто отчаянно ищет, во что верить».

С тяжелым сердцем Фома принял свою ношу. Свиток в кожаном тубусе, перевязанный через плечо, казался тяжелее свинца. Путь лежал через Мглистые перевалы – место с дурной славой, которое теперь стало главным логовом Шепчущих.

Первые дни пути были обманчиво спокойны. Но однажды ночью, когда Фома развел у костра, из темноты донесся шепот. Он был похож на шелест сухих листьев, но слова были ясны и били точно в цель.

«Ты один… Никто не придет на помощь…»

«Зачем Богу понадобился сомневающийся мальчишка?..»

«Они послали тебя на смерть…»

Фома вскочил, сжимая в руке дорожный посох. Из-за валунов показались три тени, сгустившиеся в уродливые фигуры с когтями из дыма. Их глаза горели голодным, мертвенным светом. Посох был бесполезен, Фома это понимал.

Дрожащими руками он сорвал печать с тубуса. Пергамент был древним, хрупким. На нем на незнакомом языке было выведено всего одно Слово. Фома не знал, как оно звучит, но, глядя на буквы, он понял его суть. Он прочитал его – сначала шепотом, потом громче, вкладывая в него не уверенность, которой у него не было, а лишь отчаянную надежду.

Он не ожидал ни вспышки света, ни грома. Но случилось иное. Вокруг него воцарилась абсолютная, звенящая тишина. Шепот тварей оборвался на полуслове. Их сотканные из мрака тела не выдержали этой чистоты, этой первозданной правды. Они не сгорели, а просто распались, как рассыпается ложь перед лицом истины.

Фома остался один, тяжело дыша под яркими звездами. Сила была не в звуке, понял он. Сила была в смысле.

Путь становился все опаснее. Шепчущие больше не нападали в открытую. Они действовали хитрее. Они насылали видения: его дом, родители, живые и здоровые, зовут его ужинать. Они создавали иллюзию чистого родника, который на деле оказывался ядовитым болотом. Каждый раз Фоме приходилось доставать свиток и произносить Имя, чтобы развеять морок. И каждый раз, произнося его, он чувствовал, как крупица веры в его душе становится тверже. Он перестал спрашивать «почему?», он начал понимать «зачем».

Наконец, он увидел стены Аэридора. Город был окутан серо-зеленой дымкой, похожей на испарения отчаяния. У ворот не было битвы – стражники просто стояли на стенах, опустив оружие, их лица были пусты. У подножия стен копошилась армия теней. А в центре нее, на импровизированном троне из обугленных камней, сидел их предводитель. Он был похож на человека, но его лицо постоянно меняло черты, принимая облик того, чего человек боялся больше всего.

Когда Фома приблизился, существо обратило на него свой взор. Оно не стало угрожать. Оно заговорило голосом, полным разума и ядовитого сочувствия.

«Мальчик-книжник принес волшебное слово, – пророкотал демон, и его голос проник прямо в череп Фомы. – Ты думаешь, это Слово спасет их? А где был твой Бог, когда их дети умирали от болезней? Где Он был, когда их корабли тонули в штормах? Он молчал. Это я всегда был с ними – в их страхах, в их сомнениях, в их одиночестве. Я – реальность. А твое Слово – лишь сказка для утешения. Брось его. Признай правду».

Слова демона были чудовищной пародией на собственные сомнения Фомы. Каждое из них было тем самым вопросом, который он задавал себе в тишине кельи. Его рука со свитком дрогнула. Он посмотрел на пустые лица защитников города. Демон был прав – мир был полон боли и несправедливости.

Но потом Фома посмотрел за спину демона. Там, в самом сердце вражеского лагеря, он увидел пленных горожан. И среди них – маленькую девочку, которая прижимала к себе тряпичную куклу и тихонько что-то напевала ей. Она не сдавалась. В ее крошечном мирке, состоявшем из нее и куклы, еще была надежда.

И тогда Фома все понял. Вера – это не отрицание тьмы. Это свет, который ты решаешь зажечь, находясь в самой ее гуще.

Он развернул свиток в последний раз. Он посмотрел на демона, на его армию лжи и отчаяния. И он произнес Имя.

На этот раз он не просто прочитал его. Он провозгласил его. Как непреложный закон. Как единственную истину в мире, полном иллюзий.

И свет сошел с небес.

Он не был яростным или обжигающим. Он был теплым и спокойным, как свет утреннего солнца после долгой ночи. Он не сжигал тени – он просто не оставил для них места. Дымка над Аэридором рассеялась. Шепчущие, лишенные силы отчаяния, которой они питались, растворились в воздухе. Демон-полководец издал крик, полный не боли, а оскорбленного недоумения, и его трон обратился в прах, а он сам – в струйку черного дыма, унесенную ветром.

На стенах Аэридора стражники изумленно моргали, будто очнувшись от дурного сна. Они увидели одинокую фигуру послушника, стоящего посреди пустого поля.

Фома вошел в город и отдал свиток капитану стражи. Пергамент в его руках казался теперь совершенно обычным. Капитан смотрел то на свиток, то на юношу, не в силах понять, что произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.